

Проблема гендерной идентичности в новелле «Легкое дыхание» И. Бунина

IVAN SMIRNOV

Uniwersytet Łódzki, ul. Pomorska 171/173,
PL 90-236 Łódź, i.smirnow.edu@gmail.com

1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article

---

Avtor članka dvomi o normativni spolnosti likov romana Ivana A. Bunina *Lahkotno dihanje* in njihovo nedoločeno psiho-spolno identiteto prikazuje skozi prizmo naukov Vasilija V. Rozanova o mesečnih ljudeh. Psihofiziološke značilnosti in negativne izkušnje vedenja na ravni spolne vloge namreč povzročajo zmedo binarnih nasprotij in močan duhovni kolaps posameznikov, kar v enem primeru vodi v smrt mladega dekleta, v drugem pa do duševnega trpljenja odrasle ženske. Spolna privlačnost, v lezbični dvojici poosebljena v ljubezni in strasti, vodi v osebno krizo, ki vključuje protislovja na psihološki, socialni in moralni ravni.

In the article, the author questions the normative sexuality of the heroes of I. Bunin's short story "Easy Breathing", and shows their indefinite psycho-gender identity through the prism of V. Rozanov's teachings about the people of the "moonlight". The psychophysiological characteristics and negative experience of gender-role behaviour provoke a mixture of binary oppositions and a powerful spiritual collapse of individuals, which, in one case, leads to the death of a young girl, and in the other, to the mental suffering of an adult woman. Sexual attraction, personified in a lesbian dyad in love and passion, leads to a personal crisis, which entails contradictions in psychological, social and moral aspects.

Ključne besede: mesečni ljudje, nebinarni spol, homoseksualnost, spolna psiha, lunina anomalija

Key words: people of the moonlight, non-binary gender, homosexuality, sexual psyche, lunar anomaly

---

Введение

Русская литература начала XX века богата писательскими талантами. Признанный мастер слова Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) входил в плеяду самых известных и читаемых русских писателей. Его огромный талант был признан читателями, критиками, собратьями по перу,

классиками русской литературы – Л. Толстым, А. Чеховым, В. Короленко, А. Горьким, Д. Маминым-Сибиряком, Ф. Сологубом, Л. Андреевым, А. Куприным, А. Блоком и многими другими.

Когда читаешь его книги, не покидает впечатление: их автор – интеллигентный, высокообразованный человек. Это открывается во многих смысловых подробностях повествования, сказывается в поразительном смысловом богатстве. Мало сослаться на природные данные автора – широта мысли и речевая культура всегда имеют опору в огромной работе художника над собственным духовным, интеллектуальным совершенствованием (Бунин 1986: 6).

На литературных полотнах с представленными на них многообразными актами эмоциональных переживаний героев, Бунин с нравственной серьезностью любовь и смерть чеканит под единым символом. При этом большая любовь, предвещающая мгновения наивысшего счастья, обязательно трагична, а смерть – идеализированно возвышенна. И сам по себе человек был бы не интересен как личность, если бы не его стремление к смерти, которая способна дать освобождение, и, думается, не меньшее счастье. В рассказах, созданных в России, а потом и за рубежом, любовь замешана на бунинском восприятии культуры межличностных отношений, без слащаво-приторных версий, с обращенностью чувства вовнутрь личности. Любовь по-бунински – это и возможное, и невозможное одновременно. Человек, полюбивший один раз по-настоящему, уже никогда не будет прежним. Проснувшись, он больше не вернется к тому прошлому, в которое хоть иногда хотелось бы погрузиться, ведь смотреть на мир ему придется уже другими глазами. Он будет по-другому чувствовать, страдать, мыслить, его прежняя жизнь останется по ту сторону сна. Бунин с уверенностью говорил:

Надо дожить до моих лет, чтобы до конца ощутить всю несказанную мистическую прелесть любви. Описать это словами невозможно. Это непередаваемо. Главное ведь всегда ускользает. Сколько я не пробовал – не получается или получается около, где-то рядом, но сути словами не поймать, на крючок не нацепить. Да это не я один – этого еще никто не выразил и не выразит (Бахрах 1979: 101).

Современники ошибочно предполагали, что характеры героев произведений Бунина списаны с реально существующих людей, а любовные истории услышаны или пережиты кем-то из ближайшего окружения писателя. Как пишет литературовед Каталин Кроо, писатель, создавая свое произведение, закладывает в структуру текста рамки, которые читателю удастся разорвать, если он начинает собственную интерпретацию текста. Только в этом случае удастся создать индивидуальное понимание текста (Кроо 2021: 182). Женские образы в новеллах Бунина не перекликаются, они не спорят, и один не выигрывает, а другой не проигрывает, потому что в эксклюзивной прорисовке натуры они все равно неповторимы. Сам же Бунин, как никто другой, выражая в произведениях непостижимость

подлинной любви и смерти, вкладывает в душу каждого влюбленного героя частицу собственного пронзительного чувства.

1 Семантическая парадигма чисел в концепции Розанова

Бунин, безусловно, был знаком с творчеством выдающегося религиозного философа, одного из самых значительных представителей русской словесности XX века Василием Розановым (1856–1919), ведь в определенный временной период они творили на одном литературном поле. Общим у Бунина и Розанова, двух таких творчески не похожих писателей было одно: они не приняли советскую власть, не сумели приспособиться к новым условиям. В отличие от Бунина, ненависть которого к большевикам доходила до ослепления, Розанов страну не покинул, но предугадал в ней свою судьбу. Амбивалентные ментальные суждения гения национальной словесности Розанова формировались в атмосфере сложной идеологической противоречивости, нереализованности и материальной нужды.

Философские вызывающе, с драматургическим размахом развивает проблемы пола Розанов в книге «Люди лунного света», которая была издана в 1911 г. в Санкт-Петербурге. Розанов, как всякий крупный художник, не был однозначен, а его философские суждения об однополой любви и бисексуальной природе человека, рассматриваемые в контексте христианской культуры об изначальном девстве, да и в целом совокупность его духовных убеждений потрясали современников-литераторов и не могли не отразиться на их творчестве. Сочетание обширных эмпирических исследований, креативных глубокомысленных воззрений вместе с оригинальной эстетической позицией Розанова оказали влияние не только на творчество отдельных писателей, но и на всю русскую литературу XX века.

Мыслитель, во всяком случае, не сводится к пророчеству и педагогике. По-настоящему он как поэт раздвигает пространство дыхания и жизни. Он не «занимает место» в пространстве культуры, а открывает простор, в котором становится можно отвести чему-то место. Наша главная трудность – принять из столетней давности бесплатный подарок, как освобождение в тесноте. Мыслителю от нас ничего не надо, кроме того, чтобы мы в раздвинутый им простор вошли. (Бибихин 2003: 96)

Согласно учению Розанова, «моральный закон, неправо вторгнувшись не в свою область, расслоил совокупления на «нормальные», т. е. ожидаемые, и «ненормальные», т. е. нежелаемые» (Розанов 2008: 38). Другими словами можно сказать, что однополая любовь не просто не приветствуется, но и входит в разряд половых извращений. Между тем Розанов с помощью шкалы натуральных чисел показывает величину жажды телесного удовлетворения человека: $< \dots + 7, + 6, + 5, + 4, + 3, + 2, + 1 (+0) - 1, - 2, - 3,$

– 4, – 5, – 6, – 7...> и доказывает индивидуальные врожденные потребности совокупления. Исходя из этого, получается, что людьми лунного света могут быть мужчины и женщины с наименьшей напряженностью «жажды удовлетворения» $< +0 >$, следовательно, наиболее женственным будет человек с большим уклоном в плюсовую часть шкалы и наибольшей маскулинностью и мужественностью будет обладать человек с уклоном в минусовую часть: «наибольший самец есть наичаще, наихотнее и наимогущественнее овладевающий самкою; и наибольшая самка есть та, которая томительнее, нежнее и кротче других подпадает самцу» (Розанов 2008: 40). Наибольший же интерес вызывают люди с половым влечением $< +0 >$, попадающие в категорию представителей «третьего пола». Этот интригующий таинственный $< 0 >$ определяет «полное „неволеенье” пола, отсутствие „хочу”» (Розанов 2008: 55). Если самец и самка физиологически противоположны, то человек с $< +0 >$ чувствует «мистический страх» от полового притяжения к «естественному, т. е. вообще к бывающему совокуплению, к браку», точно так же как человек с $+1...$ испытывает гнушение от полового сближения «мужчины и мужчины или женщины и женщины», понимая их как извращение (Розанов 2008: 99).

Понимание не после сомнения, а в своей сути одно с ним и сомнением никогда быть не перестает из-за странности первого понимаемого, целого мира, который опровергает все мнения о себе. Понимание и сомнение рожают друг друга. Только сомнение-понимание избавит человека от преступных подделок под целое, откроет, что цепь вещей имеет невидимые разрывы. (Бибихин 2003: 143)

Согласно философскому учению Розанова к третьему полу относятся люди, которым претит влечение к противоположному полу – урнинги (муже-девы и дево-мужи), гомосексуалисты (предшествующий термин – содомиты), удовлетворяющие чувственную страсть различными способами полового извращения. Они, сообразно теории Розанова, являются людьми «лунного света» с признанием на существование.

С конца 19 века сексуальное влечение к лицам собственного пола изучается с точки зрения медицины, психологии и социологии. Слово «гомосексуализм» субстанциализировалось и стало обозначать не только особое психофизиологическое состояние, болезнь, но и определенный стиль жизни, разновидность человеческого рода, которая по всем основным показателям отличается от других людей (Акимова 2005: 33).

Розанов пишет, что пол просто бы не существовал, «если бы не имел в себе исключений». Он сравнивает пол с океаном, в котором присутствует и мужское, и женское начало, и он находится в постоянном перетекании одного в другое – «пол – текущее от $< 0 >$ до бесконечности» (Розанов 2008: 37). Розанов утверждает, что в каждом человеке в чистом виде мужского и женского не существует, а есть «стремление по кругу», т. е. в каждом присутствуют «все возможности», только обычно в «каждом преобладает которое-нибудь одно, но в целом половое влечение падает

ближе к <0>, и здесь уже имеет место «духовная содомия». В основе философской концепции Розанова о сексуальной трансформации людей с лунной аномалией лежит биоцентричность, а вся метафизика человека сосредоточена в его поле, указывающем на биологический статус, к слову, и «глаз у содомита – другой! Рукопожатие – другое! Улыбка – совсем иная! Обращение, манеры – всё, всё новое!» (Розанов 2008: 97). В начале XX века гомосексуализм считался психическим расстройством, и однополюе связи между индивидуумами были не легитимизованы в отличие от гетеросексуальных (Созаев, Синельников 2018: 184). Розанов излагал свои взгляды на проблемы пола в то время, когда «психиатрия присоединилась к религии, клеймя гомосексуалистов как изгоев и парий общества. Взгляд на гомосексуалистов как на душевнобольных стал почти непоколебимым в современной психиатрии – только сравнительно недавно, и то не до конца, он был отвергнут» (Мондимер 2002: 61). Шокирующий общество философ доказывает, что в произведениях русских писателей довольно часто встречаются персонажи с лунной аномалией, зыбкостью пола и его непостоянством, физиологически относящиеся к одному полу, а отождествляющие себя с другим. В конечном итоге Розанов уверенно заявляет, что писатели, наделяя своих героев личностными чертами – характером, темпераментом, манерами, в психологическом смысле часто создают людей бесполой, и при этом в наивном неведении «с ума бы сошли, если бы кто-нибудь их заподозрил» в этом, зачастую не понимают, что сотворили духовных содомитов (Розанов 2008: 100). В подтверждение своей концепции Розанов приводит доводы, даже такой писатель как Лев Толстой, описывая диаду содомитянок – Катюшу Маслову и Марию Павловну в романе «Воскресение», не догадывался о том, чьи психологические образы он создает. На каторге Катюша полюбила красивую образованную женщину Марию Павловну особенной любовью, её поражало и нравилось в новой знакомой то, что мужчины «обращались с ней как с товарищем-мужчиной», и держала она себя как мужчина, при этом обладала большой физической силой и работу любила простую и грубую (Розанов 2008: 101). Не исключено, что И. Бунин, так же как и Л. Толстой, не подозревал, что подобную диаду – симбиоз двух женщин – Мещерскую и классную даму он описал в новелле «Лёгкое дыхание». Размаху Толстого, показывающего однополюе влечение двух женщин, которых сближало «отвращение, которое они обе испытывали к физической любви» (Розанов 2008: 106). Воспринимая ее как оскорбление для человеческого достоинства, противостоит осторожность Бунина, вкрадчиво описывающего духовную сексуальность юной девушки и маленькой женщины.

Персонажей с лунными аномалиями можно заметить и в других произведениях Бунина. В повести «Деревня» разбогатевший мужик Тихон Ильич говорит брату, что привозил себе «на потеху» мужика-дурачка Мотю Утиную Головку, обученного рукоблудству (Бунин 1987: 30). В

настоящее время взгляд сексопатологов на процесс группового мануального удовлетворения изменился и теперь «мастурбация является нормальной сексуальной практикой, средством приобретения опыта, не являясь при этом необходимой для психофизического благополучия личности» (Короленко, Дмитриева 2011: 352). Стоит особо подчеркнуть, что Бунин и Розанов создавали свои произведения в период агрессивной доминирующей гетеросексуальной гегемонии в обществе.

2 Психологические механизмы и этапы формирования синдрома отвержения пола

В новелле «Легкое дыхание» Бунин очерчивает и по-своему трактует культ женственности гимназистки Оли Мещерской. Самую красивую, богатую, беззаботную и счастливую девушку в порыве ревности на платформе вокзала убивает казачий офицер, с которым она была близка и обещала выйти за него замуж. Чтобы отвязаться от очередного кавалера, девушка дала ему почитать дневник, в котором описывала свой первый сексуальный опыт с братом начальницы гимназии, по возрасту годившемуся ей в отцы. Из интереса *mademoiselle* Мещерская легко заводит романы, не переживая за последствия, но самыми преданными поклонниками Оли являются не гимназисты, один из которых даже хотел покончить с собой, не взрослые мужчины-совратители, а женщины, такие как немолодая одинокая классная дама. Самым непредвиденным образом сквозь филигрань строк проглядывает психологически неокрепшая, пронизанная отчаянием любовь бесполого человека, пораженного стрелами лунного света. Немолодая девушка боится признаться себе в том, что она беззаветно любит юную женщину, свою ученицу. Бунин не был бы самим собой, если бы сдержанно, но в то же время драматически сильно не показал духовную трагедию опущенной лунным светом маленькой женщины – человека третьего пола. С гибелью Мещерской в незаполненной социальной пустоте исчезли сентиментальные грезы, сексуальные фантазии и смысл существования классной дамы, но она продолжает жить воспоминаниями о той, чьи счастливые глаза остались за кладбищенской оградой, с написанным Успением Божией матери над воротами.

Произведение Бунина «Лёгкое дыхание» написано в жанре новеллы, в которой отсутствует гармония построения: фрагменты то оптимистичные, то грустные, как всплески настроения, чередуют друг друга, что, безусловно, так и было задумано Буниным. Рваная фабула новеллы с окольцовкой сюжета в избытке напичкана многоточием, по замыслу автора – это возможность читателям самим додумывать и интерпретировать содержание, сметать границы. Написанное в 1916 году «Легкое дыхание» является одним из самых ярких и двусмысленных произведений писателя. По воспоминаниям Бунина в основу сюжета легла прогулка по кладбищу

на Капри, где часто бывал писатель, которому врачи советовали пребывать в тёплом климате. Бунин, с его тонкой нервной организацией, не мог работать в пасмурную погоду, а о себе говорил: «Волка... ноги кормят, а меня лето» (Бабореко 1967: 134). На маленьком кладбище «острова сирен», случайно наткнувшись на могилу, он увидел прикрепленный к кресту портрет молоденькой девушки. Писателю особенно запомнились необыкновенные глаза незнакомки (Бунин 1988: 669). Этот эпизод долго хранился в потайном уголке его памяти, а много позднее, работая над новеллой, художник подарит эти «радостные, поразительно живые глаза» русской девушке Оле Мещерской, а воображение создаст стихию и характерность образа: «В четырнадцать лет у неё, при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых ещё никогда не выразило человеческое слово; в пятнадцать она слыла уже красавицей» (Бунин 1988: 94). Глаза, как гипнотическая составляющая человека, у героев Бунина прежде всего отражают стихию чувств, выдавая высшие и низменные половые влечения, а уж потом обволакивающей формой их декорирует тело.

На первый взгляд кажется, что писатель поведал романтическую и вместе с тем трагичную историю юной гимназистки Оли Мещерской, которая живет в такой радости и спешке, как будто завтра жить будет уже поздно. Интрига развивается с первых строк: апрель, просторное кладбище, глиняный холм, дубовый крест, в который «вделан довольно большой, выпуклый, фарфоровый медальон», а в медальоне – фотографический портрет красивой юной девушки (Бунин 1988: 94). Плавно нагнетая интерес, автор до самого конца не снижает напряжение. В конце новеллы представлены те же минималистичные ландшафтные декорации: «как бы большой низкий сад, обнесенный белой оградой», тот же могильный холм с крестом и медальон, но как непохоже интонационно воссоздан фрагмент (Бунин 1988: 97). Грустная кладбищенская картина сопровождается акустикой шуршания фарфорового венка – происходит незримая поэтизация, которая усиливает лиризм произведения, так свойственный прозе Бунина. Исследователями творчества писателя замечено, что у него в целом наблюдается идейно-эстетическое единение поэзии и прозы: «... вряд ли могут быть вполне объяснимы его рассказы и повести без сопоставления с его лирикой. Нагляднее всего родство стихотворений и прозы Бунина в схожести мыслей, в пафосе утверждения и отрицания, в единстве тона» (Бунин 1986: 11).

Предопределяюще ярко показана в новелле женственность главной героини Оли Мещерской. По розановской шкале жажды телесного удовлетворения она коррелируется со значением <... +7...+8>. Без сентиментальной поступи Бунин легко заставляет читателя задуматься о том, что в ней притягательнее – «изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз» или легкое дыхание? И действительно не жалеет колера, создавая имидж естественности героини и восхищаясь «чернильными пятнами на

пальцах», «заголившемся при падении на бегу коленом» и «растрепанными волосами» (Бунин 1988: 94). Природная харизма, присутствие которой так старательно подчеркивает Бунин в главном персонаже, наоборот настораживает и наталкивает на мысль, что за этим качеством стоит обыкновенная завуалированная развращенность. Вполне корректно указывает на это и сам автор, приводя выдержку из её дневника, в которой подробно описывается соблазнение пожилого господина молоденькой гимназисткой.

За чаем мы сидели на стеклянной веранде, я почувствовала себя как будто нездоровой и прилегла на тахту, а он курил, потом пересел ко мне, стал опять говорить какие-то любезности, потом рассматривать и целовать мою руку. Я закрыла лицо шелковым платком, и он несколько раз поцеловал меня в губы через платок... (Бунин 1988: 97)

Подробно описывая прелюдию сексуальной близости гимназистки и искушенного кавалера, автор показывает, что половое влечение Мещерской еще в поиске и эта близость для нее своего рода первый эксперимент. На месте Малютина мог бы оказаться любой, ведь ее не смущает, что этот взрослый человек является другом ее отца, для нее достаточно, что он хорошо одет и от него пахнет английским одеколоном, а не нравится ей только то, «что он приехал в крылатке» (Бунин 1988: 97). Сквозь авторское многоточие не прорывается ни единой ноты отчаяния с заламыванием рук, истерикой и слезами, напротив, после сексуального дебюта с Малютиным Оля спокойно продолжала жить и даже «совсем сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии» (Бунин 1988: 95). Никакого противоречия в поведении гимназистки нет: дочь богатых родителей, талантливая и красивая, с блестящими перспективами удачно выйти замуж девушка показана в новелле «как будто нездоровой», скорее всего причиной «нездоровья» являются апробации релевантного полового сценария. Согласно теории Розанова, рождаются «иногда исключительные, редкие младенцы – девочки, вот именно с этою «вечною женственностью» в себе, с голосом неизъяснимо глубоким, с редкою задумчивостью в лице «и она расцветает в *sainte prostituee*... как вечную *податливость* на самый слабый зов, как нежное эхо в ответ на всякий звук...» (Розанов 2008: 50).

Стоит сразу отметить, что Бунин ни разу не называет гимназистку полным именем Ольга, предумышленно акцентируя, что физиологически она еще постпубертат, но уже с тонкой женской психикой, такой, которая бывает по-розановски «не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится как туман, захватывает собою неопределенно далекое; и, собственно, не знаешь, где ее границы» (Розанов 2008: 43).

Судя по всему, в поле притяжения высшей женственности Мещерской попадают окружающие её люди: «блаженно визжавшие первоклассницы», гимназисты, «моложавая, но седая» начальница гимназии, «маленькая женщина в трауре», «скользящая на катке толпа» и даже «снежная,

солнечная, морозная» зима, «лучистое» солнце и «розовый вечер» – эта живая природа, которую Бунин отождествляет с женщиной. И в поло-ролевых взаимоотношениях *mademoiselle* Мещерская так же торопится осознать преимущество перед подругами, классной дамой, гимназистами и даже пятьюдесятью шестилетним Малютиным. При этом гимназистка довольно умело использует невербальные средства, только чтобы почувствовать свое двусмысленное превосходство: «Я не виновата, *madame*, что у меня хорошие волосы, – ответила Мещерская и чуть тронула обеими руками свою красиво убранную голову» (Бунин 1988: 96). В тихом ключе, сквозь строки Бунин подбрасывает мысль, что за этими простыми жестами кокетства скрывается природный магнетизм Мещерской. Ее стихийная женственность «как проявление повышенной самочности и лежит объяснением в основе древнего факта, неразгаданного историками, – так называемой священной проституции» (Розанов 2008: 48).

Бунин симпатизирует придуманному персонажу, такому по-весеннему ветреному и эгоистичному. Мещерская интуитивно торжествует, понимая свое природное женское обаяние, и уже «не может жить без поклонников», не испытывая к ним при этом никакого интереса, так ее не трогают разговоры о влюбленном в неё гимназисте Шеншине, собиравшемся совершить суицид по причине её «изменчивости в обращении с ним» (Бунин 1988: 95). Про таких Розанов пишет: «К этим «*saintes*» влеклись пылкие, совершенно невинные юноши, первозданным взглядом своего возраста подмечая в них подлинную «*saintete*», за которую все отдают» (Розанов 2008: 54). Взрослые мужчины также оказываются во власти подобных женщин. После пикантного времяпрепровождения с господином Малютиным на даче Оля Мещерская без совестливого негодования, но с тщательной повествовательностью изложила в дневнике: «Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!..» (Бунин 1988: 97). Немного спустя, чтобы еще раз безоговорочно убедиться в своей неприязни к мужчинам, она вступает в связь с казачьим офицером – «некрасивым и плебейского вида», не имеющим «ровно ничего общего с тем кругом», к которому она принадлежит, и, наконец, понимает, что «она никогда и не думала любить его», а «разговоры о браке – одно ее издевательство над ним» (Бунин 1988: 96). Ей безразлична душевная мука офицера, которому она цинично дала почитать дневник с подробным описанием сцены сексуальной близости с дамским угодником Алексеем Михайловичем, обладателем «совершенно серебряной» бороды, изящно разделенной «на две длинные части» (Бунин 1988: 97). Реакция униженного ревностью грубого мужчины оказалась для нее неожиданностью: «Я пробежал эти строки и тут же, на платформе, где она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрелил в неё», – заявил судебному следователю офицер (Бунин 1988: 96). наброски сексуальных нюансов в дневнике Мещерской отличаются исповеднической незавершенностью, что позволяет под другим углом взглянуть на смысловое наполнение личности, у которой внутренне

парализовано нормальное половое чувство. В настоящее время в трудах известного российского психотерапевта Цезаря Короленко можно найти информацию о женщинах со спутанной или меняющейся идентичностью, чьи поведенческие особенности как бы напрямую списаны с Мещерской.

Сколько-нибудь серьезные отношения с мужчинами у таких женщин возникали с целью замаскировать, скрыть свойственные им лесбийские стремления. Бисексуальные лесбиянки часто идентифицируют себя только в более позднем возрасте. До этого у них могут иметь место значимые отношения с мужчинами. (Короленко, Дмитриева 2011: 311)

Если применить к Мещерской учение Розанова о перетекании пола, то в будущем, увеличив плюсовые показатели «самочности» до $<+9\dots>$, она могла бы превратиться в наполненную до краев женственностью Наташу Ростову – героиню романа Л. Толстого «Война и мир», стать женой и матерью. В следующей цитате из дневника определен вектор сексуального предпочтения Мещерской, ведь она испытывает лунное дыхание пола и находится под его влиянием: «Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мне один выход...» (Бунин 1988: 97). Предположительно, этот выход и будет продиктован полом. Если в своей ненависти к мужчинам и браку Оля Мещерская опустит свою жажду сексуального удовлетворения до нижних плюсовых показателей $<\dots+2, +3\dots>$, то, додумывая сюжет, как того и добивался автор, усеявший рассказ многоточиями, в будущем мы увидим даму, похожую на блестящую красавицу Марию Павловну из романа Л. Толстого «Воскресение», – яркий пример латентной однополой любви в философской мысли Розанова. И в очередной раз возвращаемся к учению Розанова, который в вопросах спонтанного влияния пола на личность констатировал, что «чем менее мужеподобна женщина – тем она самочнее; как чем менее женоподобен мужчина – тем наиболее он самец» (Розанов 2008: 41).

В воспоминаниях Г. Н. Кузнецовой, которой посчастливилось общаться с Буниным, находим, что «его всегда влекло изображение женщины, доведенной до предела своей «утробной сущности» (Бунин 1988: 670). В рассуждении сего в произведениях Бунина видимости формальной любви не бывает, но она всегда с патологическим привкусом – иступленной зависимостью от страсти, не умещающейся и подрывающей изнутри личность.

Не менее виртуозно, легкими набросками, но при этом экспрессивнее, чем фоновых героев, Бунин представляет антисексуальный тип женщины. Классную даму писатель провокационно не наделяет именем, но самое главное – нет ни слова про ее глаза, хотя у такого безоговорочно признанного художника как Бунин, описание глаз – лучшая эмоциональная составляющая персонажа. Вот у Мещерской даже после смерти на портрете «чистый взгляд» и глаза «бессмертно сияют». Все потому,

что появившийся из нерушимого девства бесполой человек – «третий пол» <...+0> по розановской шкале сексуального влечения недостоин ни красивых глаз, ни имени. Такого бесполого индивидуума – маленькую женщину – Бунин показывает в образе классной дамы Оли Мещерской.

Подобным людям лунного света философ Розанов дает вполне конкретное определение: «У нее половое притяжение остановилось на нуле» (Розанов 2008: 2007). И пока пол не начнет движение либо к «плюсам» (самкам), либо к минусам (самцам), человек так и будет бесполом духовным гомосексуалистом.

Классная дама смогла получить достойное для женщин своего времени образование и стать самодостаточной: работа в гимназии позволяет ей жить пусть и не в богатстве, но и не в бедности. Все в ней соответствует третьему полу: «интерсексуальное состояние, когда телесные свойства одного пола сочетаются с сексуальными или эмоциональными характеристиками другого» (Акимова 2005: 34). Полное отсутствие женственности, такой «милой теплой ароматистости» и не только душевной, с «притяжения к которой начинается влюбленность мужчины» (Розанов 2008: 43). Нежелание выходить замуж и убеждение себя в том, что она «идейная труженица» (Бунин 1988: 98). Немолодая девушка, не имеющая сексуальных связей, тайно любит свою воспитанницу Олю Мещерскую, испытывая к ней опозтизированную страсть, хотя ее эротическое желание едва различимо (Розанов 2008: 117). Эмоциональный экстремум взаимоотношений в диаде достигается за счет удовлетворения духовных потребностей обеих: гимназистке лестно чувствовать женское превосходство над классной дамой, а маленькая женщина видит в Мещерской идеал, к которому влечет ее сексуальная фантазия, «выдумка, заменяющая ей действительную жизнь» (Бунин 1988: 98).

Духовный кризис формируется тогда, «когда у одной из женщин возникает чувство потери себя в партнерше, она больше не знает кто она и воспринимает себя в каком-то смысле невидимой, непризнаваемой», что в дальнейшем может привести к тяжелой депрессии. Бунин показывает, как в процессе общения с сильной натурой у маленькой женщины происходит нарушение идентичности «стирание границ своего *self'a*» (Короленко, Дмитриева 2011: 311).

В новелле автор затушевано показывает половое определение героев, но явственно можно разглядеть влечение слабой натуры к более сильной – юная гимназистка представляет собой самостоятельную сильную личность с позитивными помыслами: «Я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто», – легковесно обещает в своем дневнике девушка, не предполагая, что в скором времени с ее чистым взглядом будет совмещено «то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской» (Бунин 1988: 98). Её бушующая ищущая страсть и нелепая смерть всколыхнули вибрирующий пол другой натуры – странной, робкой, вызывающей жалость маленькой женщины «в трауре, в черных лайковых перчатках,

с зонтиком из черного дерева», неспособной найти понимания и испытывающей от этого душевные страдания (Бунин 1988: 97).

Фрэнсис Мондимор про людей третьего пола пишет: «Их сексуальные импульсы редко ярко выражены, но они являются глубоко впечатлительными натурами» (Мондимор 2002: 94). Как хотелось бы этой женщине убежать от действительности – «она отдала бы полжизни, чтобы не было перед ее глазами этого мертвого венка», могильного холма и дубового креста, но в то же время она счастлива накрывшему ее спонтанному лунному чувству, этому начинающемуся половому преобразованию, «как все преданные какой-нибудь страстной мечте люди» (Бунин 1988: 98). У маленькой женщины в черном в душе еще никогда не кипела страсть «нет бури, а все дождичек, между тем только из бури выходит талант, красота, сила, жизненность» (Розанов 2008: 81). Следовательно, она уже пребывает под властью запретной однополой любви – «Оля Мещерская – предмет ее неотступных дум и чувств» (Бунин 1988: 98).

Заключение

В статье представлен новый взгляд на проблематику сексуального поведения героев произведения Бунина «Лёгкое дыхание» сквозь призму учения Розанова о людях «лунного света». Смелость взглядов выдающегося русского писателя, эпатажного религиозного мыслителя Розанова, который дает философское обоснование однополой любви, не могли не отразиться на творчестве писателей-современников, в том числе и Ивана Бунина. Известные представители русской литературы серебряного века Бунин и Розанов жили и создавали свои произведения в художественном пространстве на рубеже веков, в то время, когда общественное мнение считало представителей «третьего пола» патологическими извращениями. Не заявляя прямо, а, возможно, и неосознанно Бунин в новелле «Лёгкое дыхание» за обилием разбросанных многоточий умело шифрует признаки нарушения половой психики персонажей, самоотрицание пола и духовную гомосексуальность.

В новелле Бунин не обнажает, но, осторожничая в демонстрации лунных страстей двух женщин, показывает, как «различия в половой идентичности и истории сексуальных привязанностей отражаются на социальном опыте». Согласно разыгранному сексуальному сценарию, Мещерская азартно ищет рекреативного секса, а классная дама, смирившись со своей спутанной или меняющейся идентичностью, пребывает под давлением различных социальных конструктов, вследствие чего ее бесцветное существование и страдания превращаются в самоуничужение. Сколько-нибудь серьезные отношения у таких женщин с мужчинами возникают только тогда, когда «нужно замаскировать или скрыть свои-ственные им лесбийские стремления» (Короленко, Дмитриева 2011: 310).

Незаполненная социальная пустота, глубина и форма сексуальной фантазии человека «третьего пола» негативно влияют на его самооценку, «модифицируя характер его функционирования в обществе» (Акимова 2005: 20). Небезынтересно, что из двух персонажей новеллы пассионарной личностью является только Мещерская, поведенческая доминанта которой без надрыва, с непринужденным весельем заводит окружающих, аккумулирует общие интересы и, поддаваясь паттернам, бросает ее в рискованные сексуально-расторженные отношения. Бунин не был бы самим собой, если бы сдержанно, но в то же время по-шекспировски сильно не показал духовную трагедию опущенной лунным светом маленькой женщины – человека третьего пола. Прервав аддикцию отношений, он оставляет женщину прозябать в духовном вакууме, снисходительно позволяя ей «сидеть на ветру и на весеннем холоде час, два, пока совсем не заябнут ее ноги», слушать весенних птиц, «сладко поющих и в холод», да смотреть на могильный холм с мертвым венком, за которым остались ее судьба, ее мечта, ее любовь (Бунин 1988: 98).

Другая трактовка новеллы, спустя век после ее первой публикации, придает ей новый неожиданный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

- Лариса Л. АКИМОВА, 2005: *Психология сексуальности*. Одесса: СМІЛ.
- Александр К. БАБОРЕКО, 1967: *И. А. Бунин. Материалы для биографии. С 1870–1917*. Москва: Художественная литература.
- Александр БАХРАХ, 1979: *Бунин в халате*. США: Товарищество Зарубежных Писателей.
- Владимир В. БИБИХИН, 2003: *Другое начало*. Серия «Слово о существе». (Том 47). Санкт-Петербург: Наука.
- Иван А. БУНИН, 1986: *Поэзия и проза*. Москва: Просвещение.
- , 1987: *Повести и рассказы 1907–1914*. Москва: Художественная литература.
- , 1987: *Стихотворения 1888–1952*. (Том 1). Москва: Художественная литература.
- , 1988: *Произведения 1914–1931*. (Том 4). Москва: Художественная литература.
- , 1988: *Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. Собрание сочинений*. (Том 6). М: Художественная литература.
- Цезарь П. КОРОЛЕНКО, Наталья В. ДМИТРИЕВА, 2011: *Сексуальность в пост-современном мире*. Москва: Академический Проект, Культура.
- Ольга Н. КРЫЛОВА, Марина Н. ПРИЕМЫШЕВА, 2015: *Академик А. А. Шахматов. Жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 600–619.
- Френсис Марк МОНДИМОР, 2002: *Гомосексуальность: Естественная история*. Екатеринбург: У-Фактория.

Василий В. РОЗАНОВ, 2008: *Люди лунного света. Метафизика христианства*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

Валерий СОЗАЕВ, Игорь СИНЕЛЬНИКОВ, 2018: *Гей и лесбийское движения на Западе: пути освобождения сексуальных сообществ*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская школа ЛГБТ-активизма.

Владислав А. ФРОНИН, 2018: *Исторический научно-популярный журнал «Родина»* № 9. Москва: Российская газета. 59–69.

Katalin KROÓ, 2021: Аспекты индивидуализации в повести Ф. М. Достоевского «Двойник». Семиотическая динамика определенности – неопределенности. *Slavia Centralis* 14/1, 174–191.

PROBLEMATIKA SPOLNE IDENTITETE V ROMANU *LAHKOTNO DIHANJE* IVANA A. BUNINA

Avtor v članku preizprašuje normativno spolnost likov romana Ivana A. Bunina *Lahkotno dihanje* in prikazuje njihovo psihoseksualno identiteto skozi prizmo naukov Vasilija V. Rozanova. Psihofiziološke značilnosti in negativna izkušnja vedenja na ravni spolne vloge povzročajo preplet binarnih protislovij in močan duhovni kolaps osebnosti, kar v enem primeru vodi v smrt mladega dekleta, v drugem pa do duševnega trpljenja odrasle ženske. Spolna privlačnost, v lezbični dvojici utelešena v ljubezni in strasti, vodi v krizo osebnosti, ki vključuje protislovja s psihološkega, socialnega in moralnega vidika. Bunin v delu ne želi prikazati duhovne povezave mlade ženske in dekleta. Podoba elegantne dame je predstavljena skopo, mimogrede, skriva se za strastno osebnostjo glavnega lika in se bralcu predstavi šele na koncu romana. Avtor članka skuša na primeru literarnih likov povezati teoretične postulate Rozanova z Buninovo domišljijo. Filozofski pogledi Rozanova na nebinarne osebe so bili preveč drzni in na začetku dvajsetega stoletja niso bili v korelaciji z estetskimi načeli družbe. V Buninovi zgodbi najdemo tipične predstavnike ljudi, ki jih Rozanov opisuje v svojih raziskavah. Številni sodobniki so poznali dela šokantnega filozofa o metafiziki spola. V številnih literarnih delih so zastopane osebe z nestanovitnim spolom, imenovane mesečni ljudje. Avtor članka preučuje spolnost likov Buninovega romana, pri tem pa se osredotoča na lestvico, ki jo je predlagal Rozanov; na njej je ženskost plus, njena odsotnost pa minus. Roman prikazuje tako lik s povečano spolno napetostjo, ki ima najvišjo ženskost, kot tudi lik z nevtralno spolno usmerjenostjo. Avtor članka v analizo vključuje zgolj like Buninovih del, pri čemer se distancira od osebnosti pisatelja. Omeniti velja, da so pisateljeva dela fikcija, zato jih ni mogoče neposredno povezati z njegovim osebnim življenjem. Filozofska dela Rozanova, objavljena na začetku prejšnjega stoletja, pa vsekakor omogočajo nov pogled na problematiko spolnega vedenja in razumevanje narave psihoestetskih ter erotičnih komponent v zgodbah enega najpomembnejših predstavnikov ruske diaspore.